

А.С. Грибоедов

**Полное собрание
сочинений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г82

Г82 **Грибоедов А.С.**
Полное собрание сочинений / А.С. Грибоедов – М.: Книга по Требованию,
2016. – 390 с.

ISBN 978-5-518-00710-9

С биографическим очерком и портретом А. С. Грибоедова, гравированным
на стали Ф. А. Брокгаузом в Лейпциге.

ISBN 978-5-518-00710-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зыку, впоследствии зналъ прекрасно теорію этого искусства и былъ извѣстенъ даже какъ превосходный импровизаторъ на фортепьяно.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на этическое-политическое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній юридическій факультетъ) вольнослушателемъ и слушала лекціи профессоровъ Гейма, Сохацкаго, Рейнхардта, Шлецера, Снегирева. Особенное вліяніе имѣлъ на него профессоръ исторіи и эстетики Буле, занимавшійся съ нимъ на дому философскими и политическими науками. Время, проведенное въ университетѣ, Грибоѣдовъ всегда вспоминалъ съ любовью и благодарностью. Уже тогда онъ пристрастился къ литературѣ и началъ писать; есть извѣстіе, что будто бы 17-лѣтнимъ студентомъ онъ читалъ уже Іону и товарищамъ отрывки изъ «Горя отъ ума»; но, конечно, это раннее произведеніе, если оно и существовало, было далеко отъ того, которое обезсмертило имя Грибоѣдова.

Годъ Отечественной войны вызвалъ Грибоѣдова на другое поприще. Велѣдствіе воззванія правительства къ студентамъ Московскаго университета, онъ, выдержавъ экзаменъ на кандидата, поступилъ корнетомъ въ Московскій гусарскій полкъ, который формировался тогда изъ аристократовъ графомъ Салтыковымъ. Полкъ этотъ составлялся медленно, а скоро, за смертью Салтыкова, и совсѣмъ распущенъ; тогда Грибоѣдовъ перешелъ въ Иркутскій гусарскій же полкъ. Участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона ему, однако, все-таки не пришлось: Иркутскіе гусары были причислены къ резервамъ, и дальше Брестъ-Литовска не пошли. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и близко сошелся съ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, С. Н. Бѣгичевымъ, дружба съ которымъ связывала его потомъ всю жизнь. Вездѣйственная, разгульная жизнь, господствовавшая среди офицеровъ того времени, не осталась безъ вліянія на Грибоѣдова, и страстная натура нерѣдко увлекала его далеко за предѣлы благоразумія. Такъ, съ Бѣгичевымъ они въѣхали однажды во второй этажъ дома, гдѣ былъ балъ; другой разъ Грибоѣдовъ забрался во время богослуженія на хоры церкви какого-то католическаго монастыря на мѣсто органиста, превосходно импровизировалъ церковные гимны, и затѣмъ вдругъ началъ играть «камаринскую». Внутренно Грибоѣдовъ чувствовалъ ненормальность подобной жизни и впоследствии писалъ: «я въ этой дружбѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный».

Бѣгичевъ былъ, однако, не участникомъ только въ затѣяхъ Грибоѣдова. По всѣмъ даннымъ, это былъ человѣкъ выдающагося ума; онъ

скоро позналъ Грибоѣдова и постарался отвратить его отъ празднои, разгульной жизни; сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, прямо называла Бѣгичева «провидѣніемъ» своего брата. Относящеся къ тому же времени знакомство съ извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ, осталось не безъ вліянія на литературныя стремленія Грибоѣдова. Уже изъ Бреста онъ послалъ въ «Вѣстникъ Европы» письма «О кавалерійскихъ резервахъ» и о праздникѣ въ честь генерала Кологривова, получившаго тогда награду. Вѣроятно къ тому же времени относится переводъ Грибоѣдовымъ пьесы «Le Secret du ménage», подъ заглавіемъ «Молодые супруги».

Военная жизнь, между тѣмъ, теряла для Грибоѣдова привлекательность; онъ стремился въ Петербургъ. И въ 1815 году мы видимъ его уже въ столицѣ. Черезъ князя Шаховскаго Грибоѣдовъ близко сошелся съ кружкомъ писателей и драматурговъ, между прочимъ съ П. А. Катенинымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Гречемъ. Онъ страстно увлекся театромъ, и при тогдашней строгости относительно театровъ, доходившей до запрещенія выражать неодобреніе актерамъ, не разъ рисковалъ, какъ говорятъ, серьезно поплатиться за свои увлеченія, если бы его не удерживалъ извѣстный позже поэтъ князь А. И. Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ подружился въ то время. 29 сентября 1815 года поставлена на петербургской сценѣ въ первый разъ и переводная пьеса его самого: «Молодые супруги». Въ началѣ слѣдующаго, 1816 года Грибоѣдовъ вышелъ изъ отставки изъ военной службы. Свѣтская жизнь, которую вель онъ въ этотъ періодъ своей жизни, отвлекла его отъ литературы; тѣмъ не менѣе, появившаяся въ срединѣ года статья его «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой Леноры», обратившая на себя вниманіе, свидѣтельствуетъ объ интересѣ, съ которымъ относился онъ къ литературнымъ явленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣчательной независимости мысли, объ опредѣленности и ясности представленій о литературѣ. Имя Грибоѣдова появляется въ то же время въ спискѣ членовъ мasonicкой ложи *Des amis réunis*. По свидѣтельству Бѣгичева, Грибоѣдовъ написалъ въ этомъ году нѣсколько сценъ «Горя отъ ума», въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ была между прочимъ жена Фамусова, сантиментальная поклонница моды, позже совѣмъ исключенная изъ комедіи.

Въ слѣдующемъ, 1817 году Грибоѣдовъ опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ декабрѣ произведенъ въ переводчики коллегіи. Въ это время случилось обстоятельство, оставившее въ жизни его довольно яркій слѣдъ. Грибоѣдову, жившему

тогда въ одной квартирѣ съ гр. Завадовскимъ, случилось какъ-то пригласить къ себѣ на чай извѣстную тогда балетную актрису Истомину. Кавалергардскій офицеръ Шереметевъ, пользовавшійся ея особеннымъ расположеніемъ, и ревновавшій ее къ Завадовскому, по совѣту А. И. Якубовича, вызвалъ Грибоѣдова на дуэль. Грибоѣдовъ отказался, но выразилъ готовность стрѣляться съ Якубовичемъ. Дуэль состоялась между Шереметевымъ и Завадовскимъ, и первый былъ убитъ. По просьбѣ отца убитаго, всѣ участники дуэли были прощены и только одинъ Якубовичъ сосланъ на службу на Кавказъ, и съ нимъ, какъ увидимъ позже, должна была состояться дуэль Грибоѣдова.

Между тѣмъ умъ и исключительное образованіе Грибоѣдова, владѣвшаго нѣсколькими языками, обратили на него вниманіе министра иностранныхъ дѣлъ, который и предложилъ ему мѣсто секретаря при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, Мазаровичѣ. Неохотно, но согласился Грибоѣдовъ на это назначеніе, оказавшееся позже фатальнымъ для него. Въ октябрѣ 1818 года онъ былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ стрѣлялся съ Якубовичемъ, былъ раненъ въ руку, и отъ этой раны у него свело мизинецъ на рукѣ — признавъ, по которому узнали его изуродованное тѣло.

Въ началѣ 1819 года Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Персію. Повѣренный въ дѣлахъ, Мазаровичъ, не отличался качествами хорошаго дипломата, особенно для азіатской страны: онъ унижался передъ персидскими властями. Совершенно иное направленіе, насколько позволяло ему официальное положеніе его, далъ русской политикѣ въ Персіи Грибоѣдовъ. Представившись въ Тавризѣ наслѣднику персидскаго престола, Аббасу-Мираѣ, и шаху въ Тегеранѣ, онъ дѣятельно занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ — послѣдняго, какъ служащаго основаніемъ для многихъ нарѣчій Востока, — а также нравовъ и характера персіянъ. Держалъ онъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже со стороны враждебной Россіи англійской миссіи въ Тавризѣ и благосклонность Аббасъ-Мирзы, но въ то же время и ненависть нѣкоторыхъ персидскихъ сановниковъ, хорошо понимавшихъ, что въ лицѣ Грибоѣдова Персія получила сильнаго представителя русскихъ интересовъ. Найдя въ Персіи множество русскихъ, вступившихъ тамъ въ войска шаха, Грибоѣдовъ уговаривалъ многихъ изъ нихъ воротиться въ Россію. Несмотря на интриги и препятствія со стороны персіянъ, онъ послѣдовательно провелъ это дѣло до конца и ему поручено было проводить отряды переселенцевъ въ русскія границы. Не разъ рисковалъ Грибоѣдовъ жизнью на этомъ тревожномъ пути, среди озлобленныхъ персіянъ, которымъ не могли быть пріятны дѣйствія

энергичнаго секретаря миссіи, но знаніе персовъ и тактъ помогли Грибоѣдову безпрепятственно исполнить порученіе и даже не потерять при этомъ расположенія Аббаса-Мирзы и шаха, пожаловавшихъ ему орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Часы досуга отъ дипломатической дѣятельности Грибоѣдовъ посвящалъ любимымъ занятіямъ: музыкѣ, литературѣ и чтенію. По словамъ Булгарина, «Горе отъ ума» начато именно въ Тавризѣ. «Будучи въ Персіи въ 1821 году, — рассказываетъ онъ, — Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отечество со всѣмъ, что осталось въ немъ милого для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горя отъ ума» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія сія заняла всѣ его досуги и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году». Какъ ни мало заслуживаютъ довѣрія подробности этого разсказа, въ немъ, надо думать, есть зерно истины: вдали отъ родины, рисуя себѣ въ воображеніи картины московской жизни, Грибоѣдову всего естественнѣе было создать тотъ окончательный планъ комедіи, который мы знаемъ, и отказатья отъ первоначальныхъ, создававшихся подъ непосредственными, частными и мелкими, впечатлѣніями московской и петербургской жизни.

Въ ноябрѣ 1821 года мы находимъ Грибоѣдова въ Тифлисѣ. На пути туда изъ Тавриза онъ опасно переломилъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, не найдя доктора, вынужденъ былъ обратиться къ первому, который могъ подать ему помощь. Въ результатъ рука его срослась неправильно, такъ что онъ не могъ владѣть ею, и въ Тифлисѣ пришлось снова сдѣлать переломъ для приданія ей правильнаго положенія. Ъхать въ Персію, гдѣ въ опасной болѣзни своей онъ могъ не найти помощи, Грибоѣдову было невозможно; да внутренно онъ и не желалъ возвращаться въ эту азіатскую страну, полную опаснаго коварства. И Грибоѣдовъ переведенъ былъ «секретаремъ по иностранной части» въ распоряженіе тогдашняго начальника Кавказскаго края, А. П. Ермолова. Человѣкъ большаго ума, Ермоловъ умѣлъ цѣнить Грибоѣдова; привязался къ нему и Грибоѣдовъ, былъ при немъ безотлучно и даже сопровождалъ его въ военныхъ экспедиціяхъ. Въ Тифлисѣ служилъ въ то время впослѣдствіи знаменитый Н. Н. Муравьевъ (Карсскій); Грибоѣдовъ познакомился съ нимъ близко, училъ его

по-персидски, самъ участь у него турецкому языку. О впечатлѣніи, которое произвелъ Грибоѣдовъ на Муравьева, можно судить по словамъ послѣдняго: «Образованіе и умъ его (Грибоѣдова) необыкновенны». Берже въ одной изъ своихъ статей сдѣлалъ слѣдующее характерное описаніе тогдашняго образа жизни Грибоѣдова въ Тифлисъ: «Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго Кавказскаго хребта, А. С. Грибоѣдовъ большею частью оставался у себя, одѣтый по обыкновенію въ туземномъ архадукѣ. Всегда и всеми любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисецвъ... Дома занимался музыкой... Онъ усердно продолжалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ хорошаго руководителя: это былъ содержатель одной изъ тифлискихъ бань...»

Въ мартѣ 1823 года Грибоѣдовъ взялъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца; но остался онъ на родинѣ почти два года. Это было время самое плодотворное для него въ отношеніи литературной дѣятельности. Въ Москвѣ, въ домѣ матери и сестры, Грибоѣдовъ въ главныхъ основахъ сдѣлалъ «Горе отъ ума» тѣмъ произведеніемъ, которое обезсмертило его имя. Онъ появлялся въ московскомъ обществѣ, и возвращаясь поздно домой, писалъ и передѣлывалъ сцены, по словамъ Булгарина, по ночамъ. Въ 1824 г. Грибоѣдовъ получилъ разрѣшеніе ѣхать за-границу для лѣченія и отправился въ Петербургъ. За-границу онъ, однако, не поѣхалъ, и около года прожилъ въ сѣверной столицѣ. Въ это именно время бессмертная комедія его начинаетъ приобрѣтать извѣстность, и онъ долженъ былъ многократно читать ее въ средѣ тогдашнихъ литературно-образованныхъ людей и литераторовъ. Изъ писемъ его видно, однако, что онъ неоднократно принимался и въ эти дни за ея исправленіе. Кругъ знакомства его расширился, и онъ познакомился и сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ,— Бестужевымъ-Марлинскимъ, съ Д. Завалишинымъ и другими. Ноябрьское наводненіе въ Петербургѣ дало поводъ Грибоѣдову описать свои впечатлѣнія въ статьѣ: «Частные случаи Петербургскаго наводненія», по цензурнымъ условіямъ не появившейся въ печати. Онъ жилъ тогда въ квартирѣ Одоевского на Торговой, гдѣ вода достигла значительной высоты.

Отказавшись отъ мысли ѣхать за-границу, Грибоѣдовъ рѣшилъ возвратиться въ Грузію продолжать службу. Въ маѣ 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и, черезъ Кіевъ и Крымъ, моремъ проѣхалъ въ Имеретію, а оттуда къ Ермолову.

Осенью Грибоѣдовъ былъ въ экспедиціи противъ горцевъ съ генераломъ Вельяминовымъ; свои впечатлѣнія онъ выразилъ въ стихотвореніи «Хищники на Чегемѣ». Декабрьскія событія 1824 г. въ Петербургѣ не могли не отразиться на немъ, по близкому знакомству его съ декабристами, и въ январѣ 1826 года Ермоловъ получилъ приказаніе арестовать его. Рассказываютъ, что, получивъ депешу въ Екатериноградской станицѣ, за ужиномъ, гдѣ былъ и Грибоѣдовъ, Ермоловъ вызвалъ его въ другую комнату и посоветовалъ ему сейчасъ же идти домой съечь все, что могло бы его скомпрометировать, и когда черезъ часъ явился арестовать его, то, естественно, у Грибоѣдова ничего не нашли. Въ февралѣ Грибоѣдова привезли въ Петербургъ и сдали подъ арестъ. По слѣдствію не найдено было никакихъ основаній привлечь его къ дѣлу о декабристахъ, и въ мартѣ, въ половинѣ, онъ былъ уже свободенъ.

Въ дни заключенія Булгаринъ имѣлъ случай оказать ему нѣсколько услугъ, и Грибоѣдовъ, прежде отказавшійся было совѣмъ отъ его знакомства, теперь опять подружился съ нимъ. Получивъ свободу, онъ даже поселился съ нимъ на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, выдавая только съ близкими людьми и проводя время въ чтеніи и дружескихъ бесѣдахъ. По разсказу Булгарина, тогда Грибоѣдовъ «часто бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». ...У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о бесплодной почвѣ нашей словесности. «Въ жизни народа, какъ въ жизни человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ Грибоѣдовъ: «словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ!..» Грибоѣдовъ—продолжаетъ Булгаринъ,—чрезвычайно любилъ простой народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, не испорченныхъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патріотизма: «Любезный другъ!» говорилъ онъ мнѣ: «только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Влади-

мирѣ, Дмитріи Донскомѣ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣ-городѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ».

Освобожденіе Грибоѣдова отъ обвиненія по дѣлу декабристовъ установило на немъ вниманіе императора Николая Павловича. А. С. представился государю и съ чиномъ надворнаго совѣтника вновь получилъ назначеніе въ Грузію. Въ іюлѣ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, побывалъ проездомъ у родныхъ въ Москвѣ, и къ концу августа былъ въ предѣлахъ Кавказа. Въ то время уже началась Персидская война, и Грибоѣдовъ засталъ въ Грузіи Паскевича, приходившагося ему по женѣ близкимъ родственникомъ. Извѣстно, что Паскевичъ появляется въ Закавказьѣ съ особыми полномочіями отъ императора и стремленіемъ занять мѣсто Ермолова, и Грибоѣдовъ поставленъ былъ въ крайне неловкое положеніе между глубоко уважаемымъ имъ начальникомъ съ одной стороны, и столько же уважаемымъ родственникомъ съ другой. Отсюда вышли нареканія на него въ двуличности, фактически, однако, ничѣмъ не оправдываемыя. Въ январѣ 1827 года Ермоловъ отрѣшенъ отъ должности, и Грибоѣдовъ становится подчиненнымъ Паскевича, который и предписалъ ему принять въ свое вѣдѣніе заграничныя сношенія съ Турціей и Персіей. Онъ былъ безотлучно при главнокомандующемъ, переносилъ всѣ труды и лишенія военнаго времени. Есть извѣстіе, что онъ принималъ участіе даже въ составленіи плана кампаніи.

Во время войны былъ случай, показывающій необыкновенную силу воли Грибоѣдова. Вообще самъ онъ утверждалъ, что власть человѣка надъ самимъ собой ограничена только непреборимыми силами природы, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно. И вотъ, когда разъ ядро съ неприятельской батареи разразилось подлѣ кн. Суворова, и Грибоѣдовъ, бывшій съ нимъ, почувствовалъ невольное чувство страха, то самая мысль, «нестерпимая для порядочнаго человѣка», что онъ трусъ, оскорбила его, и онъ рѣшился вылѣчить себя отъ робости; при первомъ же случаѣ, онъ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ неприятельскихъ батарей, сосчиталъ заранѣе назначенное самому себѣ число выстрѣловъ, и потомъ тихо повернулъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. «Знаете-ли, — говорилъ онъ послѣ, — что это прогнало мою робость! Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я чувству страха, оно усилилось бы и утвердилось бы во мнѣ».

Рядъ поражений, понесенныхъ персіянами, заставилъ ихъ просить мира; для переговоровъ Паскевичъ назначилъ къ Аббасу-

миръ Грибоѣдова. Донесеніе Грибоѣдова объ этихъ переговорахъ (см. стр. 348) показывасть, съ какимъ тактомъ выполнялъ онъ трудное порученіе. Наконецъ, заключенъ былъ и Туркманчайскій договоръ. Представленіе его государю досталось на долю опять Грибоѣдова. Онъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами и 4,000 червонныхъ. Грибоѣдова, впрочемъ, не манили награды, и онъ мечталъ выйти въ отставку и зажить кабинетною жизнью. Но судьба судила иначе... Въ мартѣ 1827 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ, по волѣ императора Николая Павловича, онъ уже получилъ назначеніе полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ, самъ же предложившій учрежденіе этого поста, по совѣтмъ не ожидавшій для себя назначенія на него, по относительной незначительности своего чина, съ недобрými предчувствіями думалъ о Персіи, зная, сколько враговъ теперь имѣлъ онъ тамъ среди сановниковъ шаха, и между ними особенно вліятельнаго Аллаяръ-хана. «Насъ тамъ непременно всѣхъ перерѣжутъ», сказалъ онъ Жандру, пріѣхавъ къ нему тотчасъ послѣ полученія назначенія. — «Аллаяръ-ханъ мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». То же самое повторилъ онъ Бѣгичеву, съ которымъ видѣлся уже на пути въ Персію. Предчувствія его оказались вѣщими.

Въ началѣ іюня Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь счастье на недолгіе дни улыбнулось Грибоѣдову. Еще въ Петербургѣ онъ говорилъ о своей любви къ дочери генерала Чавчавадзе, Нинѣ Александровнѣ; теперь онъ сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Тогда шла война съ Турціей; Паскевичъ, котораго Грибоѣдову необходимо было видѣть, былъ въ дѣйствующей арміи, а къ ней проѣхать было затруднительно, потому что ей въ это время угрожала чума, свирѣпствовавшая уже въ турецкихъ войскахъ. Эти обстоятельства задержали Грибоѣдова въ Грузіи. Тѣмъ не менѣе, обвѣнчавшись съ Ниной Александровной, Грибоѣдовъ въ первыхъ числахъ сентября могъ выѣхать въ Тавризь. Резиденція наслѣдника персидскаго престола, Аббаса-миръзы, Тавризь, была мѣстомъ, назначеннымъ для европейскихъ миссій; въ немъ предстояло жить и Грибоѣдову. Но предварительно онъ долженъ былъ представиться шаху, и съ этою цѣлью, оставивъ жену въ Тавризѣ, онъ въ первыхъ числахъ декабря уѣхалъ въ Тегеранъ. Тамъ его ожидала ужасная смерть.

Грибоѣдова приняли въ Тегеранѣ со всѣми почестями, должными русскому посланнику. Но вскорѣ неизбѣжно возникли недоразумѣнія и недовольство со стороны персіянъ. По Туркманчай-

своему договору Персія обязалась освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые пожелають возвратиться въ отечество, и уже на пути въ Тегеранъ Грибоѣдову пришлось неоднократно рѣзать дѣла этого рода. Справедливость его произвела благопріятное впечатлѣніе въ населеніи. Но въ Тегеранѣ обстоятельства скоро приняли характеръ тревожный. Посланника преслѣдовали просьбами объ освобожденіи различныхъ, насильно удерживаемыхъ въ гаремахъ русскихъ плѣнницъ. Дѣло коснулось до гаремовъ весьма вліятельныхъ лицъ Персіи. Не избѣжалъ, наконецъ, того же и самый шахскій дворецъ: нѣкто Мирза-Якубъ, внучъ, уроженецъ Эривани, нѣкогда, при Циціановѣ, попавшій въ плѣнъ и теперь занимавшій важную должность казначея и главнаго хранителя богатствъ шахскаго гарема, явился къ посланнику съ заявленіемъ, что и онъ желаетъ возвратиться на родину. Грибоѣдовъ былъ поставленъ въ положеніе крайне затруднительное: отказывать плѣннымъ въ покровительствѣ, сообразно желаніямъ персіянъ, значило бы отказаться отъ правъ, предоставленныхъ Россіи договоромъ, и тѣмъ унижить ся достоинство; настаивать на исполненіи договорной статьи во всей ея цѣлости—значило раздражать персіянъ. Грибоѣдовъ предпочелъ, однако, послѣднее.

Между тѣмъ розыски плѣнныхъ поселяли въ населеніи Тегерана все большій и большій ропотъ. Самъ шахъ не допускалъ и мысли отпустить изъ Персіи Мирзу-Якуба, который могъ разгласить тайны шахскаго гарема; и сановники шаха употребляли всѣ средства, чтобы задержать Якуба. Все это кончилось открытымъ возмущеніемъ тегеранской черни, возбуждаемой магометанскимъ духовенствомъ и, вѣроятно, не безъ тайнаго подстрекательства со стороны Аллаяръ-хана. Огромная толпа осадила домъ, гдѣ помѣщался русскій посланникъ, требуя выдачи Мирзы-Якуба и двухъ женщинъ. Тщетно стража посланника пыталась сдержать напоръ осаждающихъ, осыпавшихъ домъ камнями; нѣсколько убитыхъ сю персіянъ, тотчасъ же отнесенныхъ съ торжествомъ въ мечеть, только усидили неистовство черни. Толпа ворвалась во дворъ, перелѣзла черезъ стѣны. Стража была перебита, убійцы прошли во внутренніе покои, и Грибоѣдовъ со всею своею свитою палъ въ неравную борьбу подъ ударами персидскихъ кинжаловъ, и бездыханное тѣло его въ теченіе трехъ дней было игралищемъ тегеранской черни. Спасся тогда, и только благодаря счастливому случаю, одинъ первый секретарь посольства, Мальцевъ.

Послѣ долгихъ розысковъ, въ грудѣ труповъ, передъ окнами квартиры посольства, нашли обезображенное тѣло Грибоѣдова, узнанное, какъ уже сказано выше, только по сведенному пальцу на рукѣ отъ раны, нѣкогда полученной на дуэли съ Якубо-

вичемъ. Торжественно перевезли его въ Тифлисъ и тамъ похоронили.

На западной сторонѣ Тифлиса возвышается священная для грузинъ гора Мтацминда. На одномъ изъ уступовъ ея построены женскій монастырь Св. Давида. Съ террасы монастыря открывается очаровательный видъ: Тифлисъ разстилается глубоко внизу, на востокъ сверкаетъ Кура, за нею, вдали—синія горы Кахетин. Мѣсто это особенно нравилось Грибоѣдову. Уѣзжая изъ Тифлиса, томимый мрачными предчувствіями, онъ просилъ жену не оставлять костей его въ Персіи, а похоронить въ монастырѣ Св. Давида. Молодая вдова свято исполнила волю покойнаго мужа, памяти котораго она осталась вѣрна всю свою долгую жизнь (она умерла въ 1857 году), завѣщавши и похоронить себя съ нимъ рядомъ. Подъ монастырской террасой, съ восточной стороны церкви, въ склепѣ за полукруглой аркой, огражденной рѣшеткою, возвышается памятникъ изваянный въ Москвѣ извѣстнымъ художникомъ Кампіони. На высококомъ пьедесталѣ стоитъ распятіе; колѣнопреклоненная скорбная женская фигура склоняется къ кресту, у подножія котораго лежитъ книга съ надписью: «Горе отъ ума». На пьедесталѣ, подъ медальоннымъ портретомъ Грибоѣдова, золотыми буквами написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня». На одной изъ сторонъ выбито: «Незабвенному его Нина»; а съ противоположной стороны трогательныя слова: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!».

А. В.

